

Тема. Лишь слову жизнь дана Язык поэзии:

Дон Аминадо. «Наука стихосложения»

И. Ф. Анненский. «Третий мучительный сонет»

Прочитайте.

Дон-Аминадо. Наука стихосложения

На днях получил письмо.

"Многоуважаемый Мосье.

У нас есть к вам просьба, но мы не решаемся ее выразить.

Но, между прочим, решившись, выражаем.

Мы, группа молодежи, хотим писать стихи для красоты и вообще для самообразования, чтобы издавать рукописный журнал, хотя бы еженедельный или раз в месяц.

Но, наверное, это очень трудно, хотя родной папа одного нашего сотрудника уверяет, что нет такого болвана, который не мог бы сочинять стихи.

Пожалуйста, будьте настолько любезны и научите в короткий срок, до востребования, и прилагаем марку в 50 сант. для ответа.

С совершенным почтением группа молодежи..."

Мне почему-то кажется, что группа эта, столь расточительно швыряющая пятьдесят сантимов, состоит из одного человека и что человеку этому не ранее как через два с половиной года исполнится полных пятнадцать лет.

Но кто его знает, может быть, и нет.

Возможно, что в самом деле пред нами новая общественная группировка, этакий коллектив честных эмбрионов, которых следует отечески поддержать и, в гроб сходя, благословить.

Поэтому не стану копать, а просто открою курсы заочного практического стихосложения.

Итак.

— Многоуважаемая группа!

Анонимный папа одного из ваших сотрудников, увы, совершенно прав.

Действительно, нет ни одного мало-мальски законченного болвана, даже совершеннолетнего, который не писал бы стихов.

Но это обстоятельство должно вас только ободрить.

В одной советской России появилось за последние несколько лет сорок тысяч зарегистрированных юношей, рифмующих пятницу и яичницу, а также палец и мерзавец.

Вы понимаете, дорогие дети, что сорок тысяч — это уже целая дивизия, и притом конная, потому что вы должны усвоить раз и навсегда, что Пегас — это лошадь.

Для того чтобы писать стихи, надо прежде всего не думать.

Стих должен литься, как вода из водопровода, хлюпая во все стороны.

Такое явление называется "брызги пера".

Если у вас есть перо и нет ни одной лишней мысли в голове, садитесь и брызгайте!

Все, что вам удастся набрызгать, озаглавьте как можно проще.

Скажем, "Из цикла".

Или: "Триоли и Триолеты".

Или просто: "Лес шумит".

Легче всего и благороднее писать стихи с настроением.

Против стихов с настроением не устоит ни одна порядочная девушка, будь она даже каменная, как антрацит.

Настроение черпается где угодно — в глазах, в губах, в зубах, но обязательно во множественном числе.

Не дай Бог начать в единственном... все дело испортите!

Например:

— "Я утонул в твоих глазах"... Правда ведь, ничего себе?! А попробуйте сказать:

— "Я утонул в твоём глазу..." Катастрофа! То же самое с губами или зубами.

Даже очень мило выйдет, если сказать:

— "И он припал к её губам".

И посудите сами, что получится, если вы скажете:

— "И он припал к одной губе!..."

Пусть губа и не дура, но разве она это может выдержать?

Конечно, нет.

Все, что до сих пор сказано, относится к какому-нибудь одушевленному предмету.

Но настроение может быть и беспредметным, неопределённым и, так сказать, воздушным.

Например:

"Звездочка блестит,

Девочка не спит,

Звездочка блеснула,

Девочка заснула".

Здесь дело не в звездочке и не в девочке, а в том пантеизме, которым проникнуто все стихотворение.

А пантеизм — это, дети мои, вещь.

Самый последний человек, даже такой, у которого паспорта нет, и тот должен быть пантеистом.

Вот спросите вашего папу, если он специалист по болванам, так он вам это еще лучше объяснит.

Во всяком случае, на сегодняшний раз довольно.

Одно только помните — то, что говорили еще древние: "Поэты рождаются, а... рукописи не возвращаются"...

Выразительно прочитайте.

Иннокентий Анненский. Третий мучительный сонет

Нет, им не суждены краса и просветленье;
Я повторяю их на память в полусне,
Они — минуты праздного томленья,
Перегоревшие на медленном огне.

Но все мне дорого — туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,

Без плана, вспышками идущее сцепление:
Мое мучение и мой восторг оне.

Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудой листов,
Я духом пасть, увы! я плакать был готов,
Среди неравного изнемогая боя;
Но я люблю стихи — и чувства нет святей:
Так любит только мать, и лишь больных детей.

